

ОБОЗНАЧЕНИЯ ВНЕБРАЧНОГО РЕБЕНКА В КУРСКИХ ГОВОРАХ

Л.И. Ларина

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
e-mail: lyud.larina2013@yandex.ru*

Курский государственный университет

В статье рассматриваются номинации, манифестирующие незаконнорожденного ребенка в курских говорах. Наблюдения над живой народной речью дают возможность отметить эволюционные тенденции в развитии диалектного языка, углубить представление о соотношении универсального и локального, выявить аспекты взаимодействия между языковыми реалиями в контексте общенациональной языковой системы.

Ключевые слова: *незаконнорожденный ребенок, курские говоры, диалектное слово, семантика, мотивация, диалектный словарь*

– А твой родной отец умер?
– Не могу знать.
Я незаконнорожденный...
(А.Чехов. В родном углу)

Народная традиция однозначно подходила к вопросу о рождении детей в законном браке и вне брака. Первых посылал родителям Всевышний, они были божьей благодатью, вторые оказывались вне закона, добрачная беременность, противоречащая нормам христианской морали, резко осуждалась. Создание семьи и продолжение рода – один из наиболее ответственных и важных моментов в жизни человека, и к женщине, которая родила, не будучи в браке, негативно относились окружающие. Такое же отрицательное отношение испытывал на себе и ее ребенок. По устоявшимся моральным законам он был внебрачный, следовательно, рожденный в грехе.

Толковые словари ограниченно представляют номинации, манифестирующие внебрачного ребенка, и приводят такие обозначения: **байстрюк** – обл. ‘Внебрачный ребенок’ [ССРЛЯ: 1: 296], **бастард** – ‘в Западной Европе в средние века – внебрачный сын влиятельной особы (короля, герцога и т.д.)’ [ССРЛЯ: 1: 362], **незаконнорожденный** – устар. ‘Рожденный от родителей, не состоявших в официальном браке’ [БАС: 7: 880], **ублюдок** – пренебреж. или бранно. ‘О чьем-либо

незаконнорожденном ребенке' [БАС: 16: 62]. Как видим, словарные дефиниции содержат пометы, указывающие на ограниченность употребления или стилистическую окраску.

В народных говорах активно функционирует первая номинация: **бастрок**, *вор. бастрюк, байстрык*: вероятно, от **бастард** 'выродок; пригульный, небрачноорожденный' [Даль: 1: 53]; **байстрык** – 'Внебрачный ребенок (чаще о мальчике)' Смол.; **байстрычка** – 'Внебрачный ребенок (девочка)'. Смол.; **байстрык** – То же, что **байстрык** в 1 зн. Ворон. [СРНГ: 2: 57]; **бистрюк** – То же, что **байстрык** в 1 зн. Кур., Орл. [СРНГ: 2: 296]. Этимологический словарь также фиксирует данное слово, определяя, что **бастрок, бастрюк** «выродок; незаконнорожденный ребенок», воронежск. (Даль), укр. байстрык, байстук, байстряк, байстер, блр. байстук. Заимств. через др.-польск. *baster, bastrze*, польск. *bastard* из ср.-в.-н. *bastard*; см. Брюкнер 17 и сл.; AfslPh 11, 122; Бернекер 1, 45; Корбут 512. Сюда же относит Соболевский (РФВ 66, 345) и слово бастрыга (ругательство), указывая на наличие этого слова в именах собственных с XVI в. (Тупиков). [Фасмер: 1:132].

На территории Курского региона данное наименование обладает широтой распространения (Суджанский, Глушковский, Обоянский, Медвенский, Беловский, Пристенский, Горшеченский, Рыльский, Советский, Дмитриевский, Хомутовский районы) и отражено в словаре курских говоров: **байстрык, байстрык, бистрюк, презрит.** 'Незаконнорожденный ребёнок'. *Да байстрык он и есть, низвеснь ат каво* (Курский район, Кукуевка); *Нагуляный, байстрык вон у ниё, уш приехълъ с ним* (Рыльский район, Обеста); *Вон набёх бистрюк Танькин.* (Дмитриевский район, Первоавгустовский) [СКГ: 1: 60]. Женщину, которая «в девках» родила ребенка, куряне называют **байстрычицей, байстручицей, байстрычихой** [СКГ: 1: 60–61].

Народный язык не ограничился только указанным обозначением, а создал свои или использовал известные лексемы, семантически преобразовав их. В результате каждый говор в своем лексическом арсенале содержит значительный перечень наименований незаконнорожденного ребенка, различный как в количественном отношении, так и в плане лексического разнообразия. В курских говорах нами выявлена группа лексем, которые делятся с точки зрения структуры на две неравнозначные группы:

1. Однокомпонентные единицы, представленные существительными и субстантивами: **безотцовщина, безродный, приблудный, приблудыш, приблуд, пригулыш, нагуыш, нагульный, нагулень, нагулёныш, найда, найдёнок, найденыш, уличный, подзаборник, подзаборок, заугольник, крапивник, подкрапивник, подкрапивный, выблюдок, выпороток, зазорный, посрамник, похотинец, суярок.**

2. Двухкомпонентные единицы, представленные атрибутивными словосочетаниями: *прижитое дитё, девкин сын*.

Из перечисленных номинаций первой группы встречаются лексемы, известные в общеупотребительном употреблении, но в народных говорах получившие дополнительное смысловое наполнение. Так, курские информанты Беловского, Большесолдатского, Рыльского, Советского районов незаконнорожденного ребенка называют *безотцовщина*, а жители Пристенского и Касторенского районов – *безродный*: *Растёт бизацовшынай, сроду иво ни видал, мать нагуляла* (Советский район, Кшень), *Бизродный – биз аца, суярак, нагулиный* (Касторенский район, Касторное). Обе лексемы распространены в общеупотребительной и разговорной сфере: *безотцовщина* – разг. 1. ‘Отсутствие отца в семье’. 2. *собир.* ‘О тех, кто растет без отца’ [БАС: 1: 441] или *безродный* – 1. ‘Не имеющий родных’, 2. *устар.* ‘Имеющий низкое происхождение’ [БАС: 1: 445]. В народном представлении важным критерием определения социального статуса ребенка является наличие / отсутствие отца, в связи с чем ребенок, у которого реально нет отца, также причисляется к незаконнорожденным. Диалектные словари отмечают бытование данных слов в говорах, указывая на расширение или, наоборот, сужение семантики известных лексем: *безотцовщина* – 1. ‘Неповиновение родителям’ Курск., Орл., Ряз., Калуж.; 2. ‘Отсутствие в семье авторитета отца, его власти’ Яросл., Сиб.; 3. *собир., бранно.* ‘Сорванцы, шалуны (о расшалившихся детях)’ Тверск., Арх. [СРНГ: 2: 197], *безродный* – ‘незаконнорожденный’ [СРНГ: 2: 199].

Ряд обозначений, функционирующих в курских говорах, представлен дериватами от производящих глаголов *блудить* и *гулять* с ярко выраженной акциональной мотивацией: *приблудный, приблудыш, приблуд; пригулыш, нагулыш, нагульный, нагулень, нагулёныш*. Номинации с корневой морфемой -блуд- зафиксированы на севере Курщины (Золотухинский, Поныровский, Фатежский районы). Субстантив *приблудный* известен в диалектной и просторечной сфере, определяется как ‘рожденный от родителей, не состоящих в официальном браке; незаконнорожденный’ [БАС: 11: 343], остальные созданы и функционируют в говорах [СРНГ: 31: 115]. Префиксально-суффиксальные образования *пригулыш* и *нагулыш* в курских говорах не имеют территориальной привязки, зона их распространения – Медвенский, Поныровский, Глушковский, Льговский, Рыльский, Беловский, Суджанский, Тимский районы. Номинации относятся к диалектным с широким выходом в северные, южные и среднерусские говоры, что подтверждает сводный диалектный словарь: *пригулыш*. Влад., Волог., Калинин., Кастром., Иван., Моск., Новг., Перм., Свердлов. [СРНГ: 31: 182], *нагулыш*. Моск.; *нагульный*. Брян., Калуж., Перм., Новосибир., Тул. [СРНГ: 19: 218].

На юго-западе Курского региона (Рыльский, Обоянский, Суджанский, Коньшевский районы) зафиксированы в качестве наименований незаконнорожденного ребенка производные существительные **найда**, **найдёнок** и **найдёныш**, более известные как ‘ребенок подкидыш, найденный и взятый кем-либо на воспитание’ [БАС: 7: 230]: *Так и кличуть найда, биз аца растёт* (Рыльский район, Козино), *Найдёнка нажыла, вот адна и васытывайт* (Суджанский район, Плёхово), *Бапка с дедам найдёныша Клавки садержжуть: биз аца растёт, сама у городе работаит, ретка наведываица* (Обоянский район, Бавыкино). Нужно отметить, что родильная обрядовая традиция отличается наибольшей сакральностью и интимностью по сравнению с другими обрядами семейного цикла, поэтому бытует сочетание **найти ребенка**, т.е. ‘родить ребенка’, в связи с чем вполне логично создание в речи носителей говоров разнообразных дериватов от глагола **найти**, номинирующих внебрачного ребенка: **найда**. Дон.; **найдён**. Смол.; **найдёна**. Новосиб., **найдёнок**. Курск, Брянск., Новосиб.; **найдёныш**. Перм., Урал, Свердл., Новосиб., Том. [СРНГ: 19: 298]. Ареалогия лексем не ограничивается южнорусскими говорами, что отражено в словаре русских народных говоров.

Разнокоренные лексические единицы **уличный**; **подзаборник**, **подзаборок**, **заугольник**, **крапивник**, **подкрапивник**, **подкрапивный**, номинирующие в курских говорах внебрачного ребенка, можно объединить на основании мотивационного признака – места появления младенца. Все перечисленные лексемы имеют достаточно прозрачную внутреннюю форму, в них легко прослеживается мотивация конкретного локуса: улица, забор, угол, крапива, т.е. «неприличные» места, где может появиться на свет незаконнорожденный ребенок.

Наиболее известным из перечисленных наименований является субстантив **уличный**, в литературном языке более употребительный как прилагательное ‘относящийся к улице’. В народной речи произошло сужение семантического поля данной лексемы: *У нас уличным называют, што нагуляла девка* (Горшеченский район, Горшечное).

На более точное место рождения внебрачного ребенка указывают наименования **подзаборник** (Курский, Горшеченский, Октябрьский, Глушковский, Железнодорожный, Медвенский, Поныровский районы), **подзаборок** (Солнцевский район), **заугольник** (Большесолдатский район). Судя по ареалогии, в курских говорах частотна первая номинация, хотя по данным сводного словаря дериват отмечен только в одном значении – ‘беспризорник’ [СРНГ: 28: 11]. Наоборот, локально встречающееся слово **заугольник** зафиксировано в СРНГ как ‘внебрачный ребенок’ с указанием на сниженную окраску: «бранно, слово с очень плохим и оскорбительным оттенком» [СРНГ: 11: 127].

Наименования незаконнорожденного ребенка, образованные от основы **крапив-**: **крапивник** (Большесолдатский, Солнцевский,

Мантуровский, Беловский, Тимский районы), **подкрапивный** (Черемисиновский, Золотухинский, Тимский, Дмитриевский районы), **подкрапивник** (Суджанский, Беловский, Пристенский, Рыльский, Хомутовский районы) – функционируют в курских говорах, некоторые включены в региональный словарь: **крапивник** – ‘Незаконнорожденный ребенок’: *Нагулиный Хведькя, крапивник* (Мантуровский район, Мантурово) [СКГ: 5: 86].

Описываемые обозначения также известны во многих говорах, что подтверждают данные сводного словаря: **крапивник** – ‘о внебрачном ребенке’. Казан., Нижегород., Калуж., Смол., Брян., Моск., Влад., Яросл., Перм., Новосиб., Омск. [СРНГ: 15: 169], **подкрапивный** – ‘внебрачный, незаконнорожденный’. Курск., Тул. [СРНГ: 28: 48], **подкрапивник** – ‘о внебрачном ребенке’. Лыг. Курск., Свердл., Том., Новосиб. [СРНГ: 28: 48]. М.Фасмер отмечает, что от слова крапива образовано крапивник «внебрачный ребенок», польск. *rokrywnik*, чеш. *korčivník*, т.е. «рожденный в крапиве», по мнению Брюкнера, это название произошло от народного поверия [Фасмер: 2: 366].

Выбор конкретного вида флоры определяется, возможно, негативными свойствами данного растения. В народных представлениях крапива воспринимается как растение «чужого», «дикого», «аномального» мира, что отразилось во фразеологизмах о незаконнорожденных детях: найти в крапиве ‘родить бастарда’, прыгать в крапиву ‘о нравственном падении девушки’ (ю.-рус.), крапивница ‘мать внебрачного ребенка’ (калуж.), рус. крапива, крапивник ‘внебрачный ребенок’, ‘подкидыш’ (связано с подкидыванием незаконнорожденных в крапиву или с местом их появления на свет) [Славянские древности: 2: 647]. Иносказательные обороты с фитонимической символикой активно используются в родильной обрядности, в частности, в ответах на вопрос о рождении ребенка, наряду с общеизвестными табуистическими формулами, включающими орнитонимы [Ларина 1999: 48].

К диалектным относятся также обозначения **выблюдок** и **выпороток**, номинирующие в курских говорах незаконнорожденного ребенка. Они нашли отражение в региональном словаре: **выблюдок** – *бран. ‘Незаконнорожденный ребенок’. Приехълъ с нагулиным, с выблюдкъм, радитилям нъвизаль – растити* (Солнцевский район, Самсоновка), *Нагуляль идей-тъ выблюдкъ, приехалъ с мальчонкью у дивевню.* (Золотухинский район, Пузановка) [СКГ: 2: 141], **выпороток** – ‘То же, что **выблюдок**’. *Нагуляль выпъръткъ, так и растётъ бизацовщинъ.* (Касторенский район, Михнево) [СКГ: 2: 157]. Помимо указанных районов первая распространена также в речи носителей говоров Кореневского, Мантуровского, Поныровского районов, вторая – Дмитриевского и Обоянского.

Словарь русских народных говоров также приводит обе лексемы, указывая на распространение данных слов на территории разных регионов:

выблюдок – *бран.* ‘Незаконнорожденный ребенок’. Смол., Новг. [СРНГ: 5: 246–247], **выпороток** – ‘незаконнорожденный ребенок’. Курск., Калуг., Яросл., Волог., Арх, Вят., Киров. [СРНГ: 5: 331]. У первого апеллятива очевидна отрицательная коннотация и прозрачна мотивация, связанная с производящим словом, – ребенок гулящей женщины, рожденный в блуде, грехе: *Какой пазор был, ежели у каво выблюдак у симье, низаконаражоный* (Курский район, Нижняя Заболоть). Второе наименование в народных говорах полисеманлично, все дефиниции связаны с характеристикой ребенка: помимо приведенного толкования **выпоротком** называют маленького ребенка, а также шалуна, озорника. Сложнее определить мотивационные признаки данной номинации. Вероятно, это связано с многозначным глаголом **пороть**, семантическое наполнение которого в диалектах шире общеупотребительного: 1. ‘Метить, делать надрезы на коже животных’. Тобол. 2. ‘Вызывать досаду’. Новг.; с существительными **поротина** – ‘метка животного в виде надреза на ухе’. Новосиб., **поротки** – ‘отродье, потомство’. Арх. [СРНГ: 30: 81–82]. В восприятии носителей говоров **выпороток** – тот, кто отмечен пятном позора, носит клеймо ребенка, родившегося незаконно, вне брака, поэтому его считают изгоем, отродьем. Может быть, есть и другие объяснения, поскольку каждое диалектное слово несет большой потенциал скрытой информации, обладает широтой смыслов и интерпретаций.

Явно негативная оценочная мотивация прослеживается в локальных обозначениях незаконнорожденного ребенка **зазорный** (Хомутовский район), **похотинец** (Мантуровский район), **посрамник** (Мантуровский район). В сводном словаре народных говоров приведены указанные лексемы с аналогичной или более обобщенной семантикой: **зазорный** – ‘незаконнорожденный’. Ряз., Твер., Яросл. [СРНГ: 10: 97], **похотень** – ‘о том, кто рожден вне брака’ [СРНГ: 30: 364], **посрамник** – ‘нахал’. Сведл. [СРНГ: 30: 205]. Отмеченные названия созданы в народной речи от известных слов, содержащих отрицательную коннотацию: **зазорный** – ‘неприличный, предосудительный, постыдный’ [БАС: 4: 467], **похоть** – ‘грубо-чувственное половое влечение; вожделение’ [БАС: 10: 169], **срам** – *устар.* и *разг.* ‘стыд, позор, бесчестие’ [БАС: 14: 628].

Региональным можно считать наименование **суярок**, поскольку сводный словарь народных говоров отмечает его функционирование только в курских говорах: **суярок** – ‘Внебрачный ребенок’. Фатеж. Курск. Бесед. Курск. [СРНГ: 43: 49]. Данная лексема известна во многих районах Курской области: *У Вальки два суярка, и все ат разных мужыков* (Солнцевский район, Никольское), *Аднаво суярка прижила, второй ат законнава мужика нарадилси* (Щигровский район, Мелехино), *У Никишки все дети суярки, прижытыи* (Обоянский район, Зорино).

Очевидно, это дериват от слова **ярка** – ‘молодая овца, еще яловая, не перегодовала’ [Даль: 4: 680], исконно русское слово **ярка** – суффиксальное производное от яра «весна» [Фасмер: 4: 560]. Префикс су-,

малопродуктивный в литературном языке и активный в диалектном словопроизводстве (ср.: *суболоток* – ‘мокрое, болотистое место, но еще не болото’, *сузелень* – ‘зеленоватость’, *сугустый* – ‘густоватый’, *сукровица* – ‘кровянистая жидкость’ и др. [Даль: 4: 352], обладает деривационным значением ‘неполноценности, незаконченности, подобия’. Таким образом, *суярок* – это ребенок, родившийся от незамужней девушки, следовательно, неполноценный не в физиологическом, а в морально-этическом плане.

Менее разнообразны названия ребенка, родившегося вне брака, представленные словосочетаниями. Такие развернутые номинации, как правило, не нуждаются в комментариях, семантика их прозрачна: *прижитое дитё, девкин сын: Скока бумаг сабрала на прижытая дитё, штоб хоть как адиноцки пасобию платили* (Беловский район, Щеголек), *Так и завём девкин сын, раз у девках радила* (Медвенский район, Паники). Словарь В.И. Даля отмечает идиому *прижить ребенка* – ‘родить в сожитии’ [Даль: 3: 412]. И сравните: *прижиток* – ‘внебрачный ребенок’. Верхнелен., Яросл. [СРНГ: 31: 209].

Таким образом, анализ лексико-фразеологических единиц, номинирующих незаконнорожденного ребенка в курских говорах, наблюдения над живой народной речью дают возможность отметить эволюционные тенденции в развитии диалектного языка, углубить представление о соотношении универсального и локального, выявить аспекты взаимодействия между языковыми реалиями в контексте общенациональной языковой системы.

Библиографический список

Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. – М., 1978–1980. Т. 1–4. (Даль)

Ларина Л.И. Табуистические формы ответов на вопрос о рождении ребенка (на материале курского родильного обряда) // Тезисы II-й Международной конференции. – Тамбов, 1999. – С.47–49.

Словарь курских говоров. Вып. 1–5. – Курск, 2004–2014. (СКГ)

Славянские древности: Этнолингвистический словарь. – М., 1999. Т.2.

Словарь русских народных говоров. – М.; Л.; СПб., 1965–2013. Вып. 1–46. (СРНГ)

Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти тт. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т.1–17. (БАС)

Словарь современного русского литературного языка: в 20-ти т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1991–. (ССРЛЯ)

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред. Б.А. Ларина. – М.: Прогресс, 1964–1973. Т. 1–4.